

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024040136

**Противоречия внутри Московского лингвистического кружка
в 1922–1923 гг. и причины его распада
(по материалам МЛК, хранящимся в ИРЯ РАН)**

© 2024 г. Г. С. Баранкова

Кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
barankova@inbox.ru

Резюме. Статья посвящена последнему периоду деятельности Московского лингвистического кружка (1922–1923 гг.). Рассматриваются вопросы, связанные с прекращением работы Кружка. Статья основана на архивных материалах, хранящихся в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Среди причин, способствовавших ликвидации Кружка, названы научно-методологические, организационные и финансовые проблемы. Определены две противоборствующие группировки членов Кружка, расхождения между которыми характеризовали разный теоретический подход к лингвистическим исследованиям. Первую группу составляли сторонники философии языка Г. Шпета. Они придавали большое значение исследованиям семантики и внутренней формы слова. Вторая группа отстаивала формалистический подход к языку, проявляла интерес к фонетике, экспериментальным исследованиям языка и начинала разработку фонологии. Не было согласия в вопросах издания трудов членов Московского лингвистического кружка по сериям. В результате указанных противоречий к 1924 г. Кружок закончил свое существование.

Ключевые слова: Московский лингвистический кружок, история, противоречия, лингвистические исследования, теория, методология, организационная деятельность.

Для цитирования: Баранкова Г.С. Противоречия внутри Московского лингвистического кружка в 1922–1923 гг. и причины его распада (по материалам МЛК, хранящимся в ИРЯ РАН) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 4. С. 130–140. DOI: 10.31857/S1605788024040136

**Contradictions within the Moscow Linguistic Circle in 1922–1923 and the
Reasons for its Disintegration
(according to the Materials of the MLC Stored at the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute of the RAS)**

© 2024 Galina S. Barankova

Cand. Sci. (Philol.),
Leading Researcher of V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18-2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
barankova@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the last period of activity of the Moscow Linguistic Circle (1922–1923). Issues related to the termination of the work of the Circle are being considered. The article is based on archival materials stored at the Russian Language Institute. V.V. Vinogradov of the RAS. Among the reasons

that contributed to the liquidation of the Circle were scientific, methodological, organizational and financial problems. Two opposing groups of members of the Circle were identified, the differences between which characterized different theoretical approaches to linguistic research. The first group consisted of supporters of G. Shpet's philosophy of language. They attached great importance to the study of semantics and the internal form of the word. The second group defended a formalistic approach to language, showed interest in phonetics, experimental studies of language, and began the development of phonology. There was no agreement on the issues of publishing the works of members of the Moscow Linguistic Circle in series. As a result of these contradictions, by 1924 the Circle ended its existence.

Key words: Moscow Linguistic Circle, history, contradictions, linguistic research, theory, methodology, liquidation of the Circle.

For citation: Barankova, G.S. *Protivorechiya vnutri Moskovskogo lingvisticheskogo kruzhka v 1922–1923 gg. i prichiny ego raspada (po materialam MLK, hranyashchimsya v IRYA RAN)* [Contradictions within the Moscow Linguistic Circle in 1922–1923 and the Reasons for its Disintegration (according to the Materials of the MLC Stored at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriiâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 4, pp. 130–140. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024040136

История Московского лингвистического кружка (далее МЛК), несмотря на большое число публикаций, посвященных его деятельности¹, в полном объеме до сих пор не написана. Одним из важных источников, на котором базируются исследования ученых, являются материалы Кружка, хранящиеся в Рукописном отделе Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (далее РО ИРЯ РАН, ф. 20), большую часть которых составляют протоколы заседаний 1919–1923 гг.² В число наименее изученных вопросов, связанных с историей МЛК, входят причины его распада³. О трагическом положении, в котором оказался Кружок, свидетельствуют документы последних лет его существования, хранящиеся в РО ИРЯ РАН, и прежде всего Заявление секретаря МЛК А.И. Ромма, написанное 23 августа 1923 г. и адресованное в Президиум Кружка. В нем удивительным образом переплелись боль из-за разногласий среди его членов, предчувствие неминуемого конца этого научного общества и мучительные попытки спасти Кружок, находящийся на грани развала: «Мы должны констатировать: Кружок

разваливается. Прятать от себя этого обстоятельства больше нельзя. Оно настолько ясно, что каждый сбор денег на насущнейшие потребности Кружка неминуемо ставит перед собирающими вопрос: для чего и на что, собственно, с людей берутся деньги. В 1919–21 гг. такой вопрос был бы немыслим. Спрашивается, почему он приобрел такую актуальность теперь?»⁴. Ромм констатирует: «Кружок перестал быть тем местом, где каждый выяснял на своем или любом докладе как свою личную позицию, так общекружковскую, которая существовала в тот период»⁵.

Разногласия, которые стали накапливаться в Кружке по мере его существования, явственно выявились к началу 1922 г. и разделили его на две группировки. Вопросы, расколовшие Кружок, по образному выражению Ромма, «ушли в глубину души» этих двух групп и «там, в темном подсознании, породили глухую вражду и пренебрежение друг к другу». Выход из создавшегося положения Ромм видел только один – обсудить ряд основных вопросов, чтобы узнать, осталась ли у кружковцев общая проблематика и не зашло ли взаимное отчуждение слишком далеко. Тогда будет ясно, закрывать Кружок или нет. (Заметим, что Устав МЛК предусматривал такую возможность в отдельном пункте и определял условия, при которых кружок мог быть закрыт.) Горький вывод Ромма: «Если мы не можем научно работать вместе, то лучше уничтожить пустую организационную форму, в которой уже нет научного содержания»⁶.

¹ Его истории посвящен ряд работ, см., например, [1]–[10].

² Описание этого фонда, а также публикацию Устава МЛК см.: [6, с. 359–382].

³ Частично эта проблема затронута в работе А.Н. Дмитриева (см. [11, с. 71–96]), который, анализируя причины меньшей известности московского формализма по сравнению с петроградско-ленинградским, отмечает, что в его статье вопрос о составляющих элементах «московского формализма» хронологически и тематически шире деятельности МЛК: он включает в себя (вынужденно весьма сжатое и обобщенное) описание истории Московского лингвистического кружка [11, с. 72–73]. При этом автор базируется в основном на сравнительном анализе трудов, писем, воспоминаний членов МЛК, опозовцов и их приверженцев, в значительно меньшей степени привлекая материалы самого МЛК, хранящиеся в РО ИРЯ РАН.

⁴ РО ИРЯ. Ф. 20. Ед. хр. 11. Л. 335.

⁵ Там же. Л. 335.

⁶ Там же. Л. 335.

Чтобы понять суть разногласий и причины ликвидации Кружка, необходимо обратиться к его истории. Напомню лишь некоторые моменты.

Московский лингвистический кружок (МЛК) был передовым научным объединением, созданным студентами-лингвистами Московского университета в 1915 г. и просуществовавшим до 1924 г. Новаторство молодых ученых выразилось в поиске новых методов лингвистических исследований, собирании и расширении привлекаемого для исследований материала. Кружковцы понимали свое объединение как своеобразную лабораторию, где его члены общими усилиями вырабатывали новые научные методы, оригинальные подходы и новые точки зрения по обсуждаемым вопросам. По их собственным отзывам, «линия поведения Кружка обозначилась вполне определенно как курс на революцию в области методологии филологических дисциплин». Основной формой проведения заседаний были доклады или сообщения по той или иной проблематике (лингвистике, этнографии, фольклору), которые горячо обсуждались. В ходе этих дискуссий и вырабатывалась коллективная точка зрения, не всегда, впрочем, всеми разделяемая и по мере развития деятельности МЛК все более разводящая их во взглядах.

В состав Кружка входили действительные члены, избираемые закрытым голосованием. Они пользовались правом решающего голоса на общих собраниях МЛК и были обязаны принимать участие в научной работе Кружка, а также платить установленные членские взносы. Почетные члены МЛК избирались в знак уважения к их научным заслугам. Для руководства Кружка из его среды выбирали 5 человек: председателя, товарища председателя, казначея, секретаря и библиотекаря. Указанные лица составляли Президиум Кружка, который имел распорядительные функции.

Должность председателя МЛК в разные годы занимали Р.О. Якобсон, М.Н. Петерсон, А.А. Буслаев, Г.О. Винокур и Н.Ф. Яковлев.

Как было сформулировано в Уставе МЛК 1919 г., «Кружок имеет своей задачей всестороннее изучение вопросов лингвистики и этнографии. Данная область филологической науки Кружком понимается в самом широком смысле: сюда входят и исторические проблемы, и проблемы современного языка и быта, а также вопросы поэтического языка и приемов художественного творчества; при этом Кружок особое внимание обращает на живые современные явления,

относящиеся к указанным областям науки...»⁷. В новой редакции Устава 1922 г. задачи были сформулированы более кратко: «МЛК имеет своей целью разработку как общетеоретических, так и специальных вопросов науки о языке и смежных с ней дисциплин»⁸. Г.О. Винокур в своей статье 1922 г. «Московский лингвистический кружок» отмечал, что члены МЛК видели в лингвистике науку «как о практическом, так и о поэтическом языке» [1, с. 290].

Наиболее плодотворными для деятельности Кружка были 1919–1921 гг. Говоря о последнем периоде деятельности МЛК за 1922–23 гг. (материалы за 1924 г. в РО ИРЯ РАН отсутствуют), следует отметить угасание его научной деятельности. Так, если за 1921 год было прочитано 35 докладов, за 1922 год – 16, то за 1923 год было сделано всего 5 докладов. Зато в указанный период (особенно в 1922 г.) значительно возросло число заседаний научно-организационного характера, свидетельствующих, с одной стороны, о наметившемся расколе среди членов Кружка, с другой – о стремлении найти пути его преодоления.

В Кружке образовалось две группы вокруг ядра МЛК: в первую входили А.А. Буслаев, М.М. Кенигсберг, Б.В. Горнунг, Н.Н. Волков, Н.И. Жинкин. С другой стороны выступали С.Я. Мазе, А.И. Ромм, П.Г. Свешников, Р.О. Шор и Н.Ф. Яковлев. Расхождения двух лагерей были довольно существенными и касались теоретического и методологического подхода к лингвистическим исследованиям. Члены первой группы во главе с А.А. Буслаевым были сторонниками подхода к изучению языков, опирающегося на теоретические установки и достижения в сфере философии языка, и находились под влиянием идей Г.Г. Шпета. Вслед за И.А. Бодуэном де Куртенэ и Ф. де Соссюром с его «статическим методом исследования» они не были сторонниками диахронического метода изучения языковых процессов, непосредственно связанного с историческим развитием языка, а выступали за его системное синхроническое исследование, считая, что основная задача лингвистики состоит в систематизации языковых фактов, выявлении системных отношений языковых единиц. При этом значительный интерес для них представляли семантические исследования, т.е. исследования смысловых структур⁹. Большое значение они придавали изучению

⁷ Там же. Ед. хр. 10. № 1. Л. 284.

⁸ Там же. Ед. хр. 10. № 3. Л. 291.

⁹ О теоретических взглядах этой группы можно судить по высказываниям талантливого члена МЛК, рано ушедшего из

внутренней языковой формы. Они отрицательно относились к экспериментальным исследованиям в языкознании.

Кружковцы второй группы стояли на более выраженных формалистических позициях, основанных на эмпирическом подходе к анализу материала, не разделяли мнения о том, что семантика входит в систему лингвистики, проявляли большой интерес к фонетике и начинали разработку фонологии, у истоков которой стоял Н.Ф. Яковлев. В отношении поэтики и поэтического языка они были ближе к позиции Р.О. Якобсона, к тому времени уже покинувшего кружок. Молодые ученые второй группы расходились с группой Буслая так же и в вопросах соотношения поэтики и лингвистики. Они считали поэтику лингвистической дисциплиной.

Разногласия возникали постепенно. Уже обсуждение доклада Е.Н. Коншиной «История литературы как наука», сделанного 4 апреля 1920 г.¹⁰, выявило расхождение взглядов кружковцев на понимание историзма в науке. Так, О.М. Брик отвергал идею Коншиной о разделении истории литературы на две группы наук – статическую и динамическую. Он считал, что различие между статикой и динамикой понимается докладчиком как различие между изучением формы и содержания. Коншина же возразила, что под статикой она понимает изучение формы вне исторической перспективы, а динамику рассматривает с точки зрения генезиса.

Интересны взгляды Г.О. Винокура, высказанные в ходе обсуждения доклада о том, что такое история литературы. Он полагал, что Коншина не смогла дать правильного определения истории литературы как науки, так как не определила ее предмет. Винокур считал, что «предмет истории литературы – художественное слово во всей сложности его жизни, методы же исследования будут лингвистические»¹¹. Кроме того, Винокур

предлагал говорить не о статике и динамике, а о теоретической и эмпирической науке. Первая группа – статическая, является теоретическим фундаментом для другой – эмпирической. Он провел такую параллель – общее языкознание как теоретическая наука и история языка, базирующаяся на ней, – эмпирическая. М.Н. Петерсон предпочитал говорить только об исторической точке зрения, но не об историческом методе, ибо метод определяется существом предмета. А.А. Буслав утверждал, что история литературы есть словесность, но не поэтика. Поэтика шире этого понятия.

В 1921 г. по поручению Президиума МЛК Буслав подготовил доклад «О программе деятельности Московского лингвистического кружка»¹². Практически это был манифест первой группы кружковцев, основанный на теоретических посылах философии языка. Первым пунктом программы были вопросы систематики лингвистических дисциплин и определение места лингвистики в общем научном ряду. Отдельно был выделен пункт Связь лингвистики с философией (гносеологией и онтологией). Определялись предмет каждой из лингвистических дисциплин и их взаимоотношение. Примечателен второй пункт Лингвистика и этнология. В этот раздел входил обзор сходства и различия методов этих наук. Отдельным пунктом была обозначена Связь языка с культурой (в этом вопросе тоже наблюдались разногласия кружковцев). Также сюда входили Диалектология, Язык ребенка, Малоизвестные языки, Поэтический язык с подразделами Стих, Проза, Драматические произведения и Исследования по народному поэтическому языку (Песня, Сказка, Заговор, Лубочный стих, Народная драма). Как видим, специальный раздел об истории языка сюда включен не был. Как отмечал в своих воспоминаниях Б.В. Горнунг, вся программа имела своего рода антиформалистический характер и находилась под несомненным влиянием идей

жизни М.М. Кенигсберга, утверждавшего в статье, написанной в 1924 г. и опубликованной лишь впоследствии, по беловому автографу, переписанному рукой Б.В. Горнунга, что «лингвистика есть семасиология, что ее предмет – знак – значение, а ее метод интерпретация» [12, с. 155]. Ср. также: «Семантика и есть основной “герой” лингвистики, но изучается она через изучение грамматических и иных языковых форм, к числу которых мы отнесли и стих. Учение о стихе, таким образом, становится семасиологическим учением» [Там же, с. 163].

¹⁰ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 3. № 8. Публикацию доклада см. [9, с. 105–114].

¹¹ Ср. позднее сформулированное Г.О. Винокуром в статье «Чем должна быть научная поэтика» определение истории литературы как поэтического языкознания: «<...> так как

история литературы имеет дело с художественными произведениями, скажем грубо, сделанными из языка, так как она имеет дело не с тем, что выражено, а с тем, как выражено, причем это “как” определяется, конечно, всецело языком, то история литературы становится к лингвистике в отношении части к целому. <...> Поэтому она, как и практическое языковедение, которое обычно мы принимаем под термином “лингвистика”, включает в себя отделы фонетики, грамматики, семасиологии и словаря. Но, конечно, поэтика будет отличаться от практического языковедения точкой зрения. В этом отношении она должна строиться хотя и в лингвистических методах, но в тесном согласии с общей теорией искусств» [13, с. 13].

¹² РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 16. Л. 396. Сохранились тезисы к докладу. Текст опубликован, см. [9, с. 136–137].

Г.Г. Шпета. По воспоминаниям Б.В. Горнунга, именно на осеннем заседании 1921 г. при обсуждении этой Программы, «произошел полный раскол МЛК, и он зимою 1921–1922 гг. собирался только для слушания специальных лингвистических докладов эмпирического характера» [14, с. 373], см. также [9, с. 138]. В РО ИРЯ РАН нет документов, связанных с обсуждением этой программы, и самого доклада Буслаева (сохранились только тезисы к нему), однако нет оснований полагать, что в 1922 г. доклады имели узко специализированный характер, так как на них продолжали дискутироваться общетеоретические и методологические вопросы, волновавшие и все дальше разводящие в своих взглядах членов МЛК.

Так, доклад, прочитанный 2 января 1922 г. Р.О. Шор «Применение психологического эксперимента в лингвистике»¹³, вызвавший острую дискуссию, со всей очевидностью показал существующие между кружковцами теоретические разногласия и поставил перед слушателями ряд вопросов, и главные из них – в чем заключается задача лингвистики в ее отношении к другим наукам, в том числе психологии и логики, в чем состоит принцип историзма в лингвистике, а также какова роль эксперимента в языкознании. Н.И. Жинкин утверждал, что задача показать развитие языка в его истории – это дело лингвиста, а каким образом языковые факты, в ряду других социальных факторов, являются показателями народного духа – это дело этнической психологии¹⁴. С.Я. Мазэ отстаивал принципы историзма и психологизма и давал им следующие определения: «Задача лингвистики – анализ динамических законов, по которым протекают языковые процессы. <...> Внеязыковых психических фактов не существует»¹⁵; «Язык немислим без сознания. Психология – наука об основе языкового творчества»¹⁶. А.А. Буслаев отрицательно отозвался о значении экспериментального метода для понимания причинности в языке и отрицал принцип исторического подхода в языкознании, говоря, что «отношения, реконструированные для праязыка, являются для него отношениями алгебраическими»¹⁷. М.М. Кенигсберг считал, что лингвистика не может быть исторической. Языковая форма изучается для того, чтобы вскрыть за ней

форму внутреннюю, логическую¹⁸. Он был солидарен с Буслаевым в вопросе о значении эксперимента в лингвистике, которое равно нулю, так как эксперименты изучают процессы, а язык есть вещь¹⁹. С.Я. Мазэ критиковал Кенигсберга за логизм, давно отвергнутый наукой. Он утверждал, что изучение синтаксиса, как статическое, так и историческое, показывает, что меньше всего язык вскрывает логические категории.

К идеям, высказанным на этом заседании, близки мнения, изложенные на заседании 17 февраля 1922 г. при обсуждении доклада Р.О. Шор «О реконструкциях фактов индоевропейского праязыка»²⁰. Обсуждался метод реконструкции индоевропейских языков в трудах Г. Пауля. При этом обозначилась разница в подходе к проблеме реконструкции праязыка у представителей фортуноватовской школы (в лице ученика Ф.Ф. Фортунатова Н.Н. Дурново) и членов МЛК. Если Н.Н. Дурново к реконструированным фактам относился как к реальным (при условии правильно проведенной реконструкции) и отмечал стройность звуковой системы праязыка, то Н.Ф. Яковлев объяснял эту стройность тем, что все, что не укладывалось в эту систему, естественным образом отбрасывалось в процессе реконструкции. А.А. Буслаев отмечал, что у Пауля дана только методика реконструирования, но он не ставит методологического вопроса о надобности реконструкции вообще. Сам же Буслаев считал, что

¹⁸ По-видимому, вопрос соотношения понятий внутренней и внешней формы был также одним из тех, по которому проходил рубеж воззрений кружковцев. Как отмечал в Примечаниях к работе Г.О. Винокура «Русская поэтика и ее достижения» М.И. Шапир: «“Возрождение понятия внутренней формы” Винокур считал одной из основных заслуг Шпета <...>, а в “отсутствии анализа внутренней формы” видел серьезный недостаток работ Ю.Н. Тынянова и Б.А. Ларина» [13, с. 306]. М.И. Шапир перечисляет доклады, которые были прочитаны по указанной проблематике самим Г.Г. Шпетом и членами МЛК в конце 1923 – начале 1924 г. на заседаниях Комиссии по изучению художественной формы РАНХ: Г.Г. Шпет «Понятие внутренней формы у Вильгельма Гумбольдта», А.А. Буслаев «Понятие внутренней формы у Штейнталя и Поттебни», М.М. Кенигсберг «Понятие внутренней формы у Антона Марти» [Там же, с. 306]. См. также работу по указанной проблематике: *Вендитти М.* Исследование М. Кенигсберга о внутренней форме слова у А. Марти (1924) // *Логос.* 2010. № 2 (75). С. 150–161.

¹⁹ В этом определении Кенигсберга просматривается несомненное влияние идей Г.Г. Шпета, ср.: «Мы будем различать номинативную функцию слова, *gesp.* номинальную предметность слова, и функцию семасиологическую, *gesp.* смысловую предметность. *Nomen*, название как таковое, есть эмпирическая, чувственно-воспринимаемая вещь. Оно есть знак, *signum*, связанный с называемой вещью не в акте мысли, а в акте восприятия и представления» [15, с.23].

²⁰ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 5. № 2. ЛЛ. 162–163.

¹³ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. № 1.

¹⁴ Там же. Л. 161.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 159.

¹⁷ Там же.

«задача науки о языке не в восстановлении бывших, а в систематизация данных нам фактов»²¹. Тем не менее он признал, что «вопрос об истории языка — одна из основных задач лингвистики»²². В этой связи нельзя не отметить, что члены МЛК, стоявшие на позициях, противоположных младограмматическому направлению в языкознании, отказывались от представления о языкознании как преимущественно исторической науке и не считали главной задачей лингвистов сравнение родственных языков, как это делали младограмматики. Отказываясь от принципа историзма, часть кружковцев, группировавшихся вокруг А.А. Буслаева, отрицала и младограмматическое представление о языке как психофизической деятельности. Так, М.М. Кенигсберг отметил, что теорию фонем можно признать, если очистить ее от психологизма²³.

Еще одним существенным моментом, способствовавшим расколу Кружка, стал вопрос о его издательской деятельности, сильно осложнивший обстановку в этом научном сообществе.

За весь период существования МЛК у кружковцев накопился большой неопубликованный материал по разным проблемам, но собственно печатного органа он не имел, и решено было просить Госиздат об издании работ по сериям. Принципиальное согласие на такое издание было получено, и члены кружка приступили к работе плана издания и формированию серий, а также определению редакторов по сериям. Протокол заседания от 31 марта 1922 г. № 3²⁴ показал наличие разногласий в вопросах об издательской деятельности МЛК следующее. Сам принцип организации издательства по сериям возражений не вызвал. Отдельные возражения вызвали: Серия 2. Наука о литературе; Серия 3. Стих; Серия 5. Фонетика; Серия 6. Искусственные языки.

Против 2-й серии высказалась Р.О. Шор, обосновывая это тем, что вопросы литературы не входят в интересы кружка, так как выходят за пределы лингвистики. Она же высказалась против серии Стих, считая, что ритмика шире стиха и существуют промежуточные явления, когда неясно, имеешь ли дело со стихом или с прозой. Она же была против выделения 6-й серии, поскольку считала вопросы искусственных языков не настолько важными, чтобы включать их в отдельную серию. Н.Н. Дурново и С.Я. Мазэ поддержали

ее в этом. Зато в защиту 6-й серии выступили А.А. Буслаев и М.М. Кенигсберг. Б.В. Горнунг защищал выделение 5-й и 2-й серий, говоря, что стих может быть определен с чисто языковой точки зрения, а 2-я серия носит главным образом методологический характер. Д.Д. Благой возражал на это, отмечая, что если 2-я серия трактует вопросы методологии, а 3-я дает исследования по стиху, то для исследования прозы не остается места.

Еще более острым предметом разногласий стало предложение о приглашении в редакцию изданий специалиста-философа. А.А. Буслаев, настаивая на этом приглашении, отмечал, что «кружок встал на путь теоретического пересмотра основ лингвистики. <...> Эмпирическое знание неразрывно связано с философией и общей методологией и напрасно пытаются их разорвать»²⁵. М.М. Кенигсберг поддержал Буслаева и отметил, что философскому знанию нельзя выучиться простым ознакомлением. Здесь необходима совместная работа с философом, носящая с его стороны активный, а не консультантский характер. Б.В. Горнунг заметил в этой связи, что лингвистика не эмпирическая наука, поскольку язык есть система знаков выражения, постольку предмет лингвистики имеет формально онтологический характер. Таким образом, группа Буслаева видела цель кружка в построении надэмпирической лингвистики, теоретической, рациональной, основанной на философских предпосылках.

Против приглашения философа в редакцию Трудов МЛК выступили С.Я. Мазэ, А.И. Ромм и Н.Ф. Яковлев, которые указывали, что своевременность и необходимость пересмотра основ лингвистики ими не оспаривается, как и необходимость для этой цели философской подготовки. Участие же философа в редакции трудов может быть только консультантским или руководительским. Редакторская работа и вся ответственность должны лежать на основном рабочем ядре Кружка.

Надо сказать, что Президиум МЛК пытался преодолеть возникшие разногласия в Кружке. 19 и 20 марта состоялись заседания, каждое из которых длилось по 6 часов, но решения по обсуждаемым вопросам большинством голосов так и не было принято. Тогда было решено вынести ряд вопросов на Пленарное заседание МЛК, которое состоялось 21 марта 1922 г. Протокол этого

²¹ Там же. Л. 162 об.

²² Там же. Л. 163.

²³ Там же. Л. 162 об.

²⁴ РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 5. № 3.

²⁵ Там же. Л. 174 об.

заседания²⁶ позволяет выявить самые наболевшие для членов Кружка проблемы.

На пленарное заседание МЛК были вынесены следующие вопросы:

1. Следует ли проводить дискуссию о месте фонетики в системе лингвистических дисциплин, а также дискуссию об историзме в лингвистике.
2. Следует ли проводить дискуссию о соотношении логики и грамматики и правомерности признания семантики особой лингвистической дисциплиной.
3. Следует ли выделять отдельной серией в трудах млк «искусственные языки и искусственное в языке».
4. Следует ли вводить в состав общей редакции трудов млк и в состав редакций каких-либо серий специалиста философа, в связи с этим следует ли обращаться к Г.Г. Шпету с просьбой войти в состав общей редакции Трудов МЛК.

Предполагалось также утвердить состав общей редакции и редакций серий Трудов МЛК.

На это заседание были представлены заявления членов двух противоборствующих групп МЛК. В заявлениях речь шла о порядке обсуждения дискуссионных вопросов на пленарном заседании МЛК в сентябре 1921 г. В обоих заявлениях была констатирована напряженная обстановка, сложившаяся в Кружке.

Первая группа кружковцев (А.А. Буслаев, М.М. Ке-нигсберг, Б.В. Горнунг, Н.Н. Волков, Н.И. Жинкин) предлагала первоначально организовать беседу на тему историзма в лингвистике и подготовить доклад по этой теме, организацию же издания трудов не откладывать и не связывать с обсуждением теоретико-методологических вопросов. В заявлении первой группы кружковцев констатировалось также, что «М.Л.К. фактически перестал быть организацией, объединяющей лиц, имеющих единое credo в области лингвистики и поэтики, какою он был в 1918–1920 гг., когда Кружком руководил Р.О. Якобсон и, наряду с ним, руководящую роль в Кружке играли О.М. Брик, Б.О. Кушнер, В.В. Маяковский и Б.В. Шкловский, которые в настоящее время почти не участвуют в работе Кружка и взгляды которых в области поэтики сейчас не разделяются подавляющим большинством членов Кружка нынешнего состава...»²⁷. Вторая группа (С.Я. Мазэ, А.И. Ромм, П.П. Свешников, Р.О. Шор и Н.Ф. Яковлев) считали

первоочередной задачей провести дискуссию на тему о месте фонетики в системе лингвистических дисциплин и о положении семантики в лингвистике и только после обсуждения докладов по предложенной проблематике обсудить вопрос об историзме в лингвистике. Вопрос же состава редакций и серий Трудов МЛК отложить до выяснения принципиальных расхождений во взглядах членов Кружка. Представители этой группы считали, что если в ходе обсуждений выяснится, что МЛК действительно перестал иметь свое научное лицо, то следует издавать сборники работ кружковцев не под эгидой МЛК, а с преимущественным правом предоставления членам Кружка публиковать свои работы в этих сборниках, но программных статей от имени МЛК в этих сборниках быть не должно, а право выбора редколлекции оставлять в этом случае за Госиздатом.

Интересна реакция Госиздата на эти предложения (его официальным представителем на заседании был Н.К. Пиксанов), свидетельствующая, с одной стороны, о том, что оба предложения кружковцев были одинаково приемлемы для Госиздата, но в любом случае МЛК должен нести полную ответственность за издание всех серий.

В обсуждении возникших проблем принял участие Н.Н. Дурново, почетный член МЛК. Его выступление свидетельствует о коренных методологических расхождениях между МЛК и представителями младограмматического направления в языкознании. Дурново говорил о том, что всего полтора года назад присутствующие на настоящем заседании МЛК слушали его спецкурс «Методология языковедения», и во время бесед после каждой лекции никаких коренных расхождений между ними не наблюдалось. Председательствующий Б.В. Горнунг заметил на это, что несмотря на огромную пользу этого курса для всех членов МЛК, курс Дурново не может быть назван «Методологией языковедения», а является лишь «Методикой истории языка по письменным памятникам и данным живых говоров»²⁸. Методологией же этого курса была методология фортуна-товской школы, подвергать критическому разбору которую слушатели лекций Дурново не считали возможным по этическим соображениям, хотя к ней уже тогда отношение большинства членов МЛК было критическим. Кружковцы обеих групп предпочитают держаться строгого разграничения методологии и методики, как оно проводится в трудах Э. Гуссерля и Г.Г. Шпета и др., а обсуждение взглядов и методов А.А. Шахматова,

²⁶ РО ИРЯ. Ф. 20. Ед. хр. 5. № 8.

²⁷ Там же. Л. 177 об.

²⁸ Там же. Л. 179–179 об.

Ф.Ф. Фортунатова и Н.Я. Марра на Кружке не производилось.

М.М. Кенигсберг считал, что в заявлении группы А.И. Ромма недооценивается важность проблемы искусственных языков. Тем самым утверждение о критическом отношении МЛК к младограмматикам остается лишь пустой декларацией, так как их отрицательная позиция по искусственным языкам общеизвестна.

Д.Д. Благой называл необоснованной серию Стих, правильнее было бы сделать серию Поэтика и теория литературы. А.А. Буслаев возразил на это, что в серию Стих должны войти чисто лингвистические работы по изучению стихотворного языка, так как поэтика не может уже рассматриваться только как лингвистическая дисциплина, как это было заявлено в МЛК два-три года назад²⁹. В ответ на это О.М. Брик и Б.А. Кушнер заявили: работы о стихе, какими бы они ни были, должны войти в серию Стих. Б.В. Горнунг разъяснил, что определенная часть МЛК, занимающаяся стиховедением, отбросила старую методику (т.е. работы О.М. Брика, Б.И. Ярхо, Ф.М. Вермеля, отчасти Б.В. Томашевского и С.П. Боброва)³⁰. Брик высказался о недопустимости отбрасывать их работы. Ромм и Мазэ выразили надежду, что многие расхождения имеют скорее словесный и терминологический характер. Буслаев и Кенигсберг ответили на это, что разногласия зашли очень далеко и затрагивают

²⁹ Именно в МЛК на раннем этапе его развития, как указывал Р.О. Якобсон, «возникли первые опыты строго лингвистических подступов к поэтике» [4, с. 367], и, как отмечал И.А. Пильщиков, в это время «начинается разработка строго формального подхода к явлениям языка» [16, с. 153]. Так, еще по поводу работы Брика «Ритмико-синтаксические фигуры» Р.О. Якобсон и П.Г. Богатырев писали, что «Брик доказывал необходимость исходить при анализе поэтического ритма из осуществляющих ритмическое задание словосочетаний» [17, с. 25].

³⁰ См. опубликованные Протоколы с обсуждением докладов членов МЛК (Р.О. Якобсона, О.М. Брика, С.П. Боброва, Б.В. Томашевского) в первый период деятельности Кружка (1919 г.), посвященные стиховедческой проблематике [16]; [18]; [19]. Р.О. Якобсон и П.Г. Богатырев в обзорной статье о филологии 10-20-х годов XX в., указывали, что молодые русские филологи ОПОЯЗа и МЛК «пытаются построить новую теорию поэтического языка и на ее фундаменте создать новую историю русской литературы» [17, с. 24]. Кружковцы понимали отличие поэтического языка от прозаического как функциональное и считали, что поэзия есть язык в его эстетической функции. Анализируя особенности подхода первых русских формалистов к исследованию стиха, И.А. Пильщиков писал: «В пионерских работах Брика и Боброва был поставлен вопрос о сращивании метрики с лексикой и грамматикой» [16, с. 157]. Группа Буслаева позднее предлагала рассматривать стих с семасиологических позиций (см. выше прим. 9).

самую сущность научных мировоззрений. Кенигсберг отметил, что компромиссное решение по сериям не может быть принято.

После обсуждения большинством голосов было решено включить Фонетику в серию изданий МЛК³¹.

Непримиримой оставалась позиция о включении философа в редакцию изданий. Группа Буслаева настаивала на включении Г.Г. Шпета в состав редакции. Остальные члены Кружка были против. В конечном счете, при голосовании решение о привлечении философа было отклонено. По остальным вопросам решений принято не было.

Таким образом, и на Пленарном заседании выработать общую платформу и преодолеть разногласия не удалось.

Как следует из протокола заседания МЛК от 7 апреля 1922 г.³², в конце концов было решено издание по сериям отложить до выяснения пунктов, вызывающих принципиальные разногласия внутри кружка. Из докладных записок, поданных в Президиум, видно, что члены Кружка неоднократно предлагали устроить обсуждение по волнующим их темам. Однако по непонятным причинам такие обсуждения так и не состоялись.

Как попытку оживить научную деятельность кружка можно рассматривать приглашение О.Э. Мандельштама и Б.Л. Пастернака для совместной работы с кружковцами в области поэтики в мае 1923 г. Предполагалось, что сами поэты будут делать доклады и читать свои стихи с последующим их обсуждением, а также участвовать в обсуждении докладов членов Кружка. Однако, судя по сохранившимся протоколам РО ИРЯ РАН, эта инициатива не получила дальнейшего существенного развития. Этот эксперимент А.И. Ромм в цитированном выше заявлении 1923 г. образно охарактеризовал как «попытку вспрыснуть Кружку шприц Мандельштама и Пастернака» и назвал ее «камфарой для все равно умирающего»³³.

Одним из организационных вопросов, который обсуждался на заседаниях, был вопрос об административной деятельности кружка и, в частности,

³¹ Однако 24 марта 1922 г. Б.В. Горнунг, М.М. Кенигсберг и А.А. Буслаев подали Докладную записку в Президиум МЛК с просьбой отложить вопрос о выделении фонетической серии до проведения беседы на тему «Наука о языке и фонетика», которую, в свою очередь, они предлагали поставить на обсуждение только после доклада «Историзм в лингвистике».

³² РО ИРЯ РАН. Ф. 20. Ед. хр. 5. № 13.

³³ РО ИРЯ. Ф. 20. Ед. хр. 11. Л. 335.

о том, должен ли его председатель влиять на научное направление всей деятельности МЛК. Это обсуждение было связано с заявлением Буслаева от 21 сентября 1922 г. в Президиум МЛК с отказом его от должности председателя³⁴. В нем Буслаев обосновывал свое решение тем, что он отклоняется в области решения теоретических вопросов от средней линии большинства кружковцев, что может привести к ослаблению научной деятельности Кружка. По сути же таким образом он выразил свой протест против отказа пригласить в состав редколлегии философа Шпета.

И в этом вопросе о роли председателя не был найден консенсус: Буслаев и Кенигсберг считали необходимым сохранять научное лицо председателя, что неизбежно должно сказаться и на выработке общей позиции Кружка. Однако большинство членов полагали, что задача председателя — осуществлять общее руководство, невзирая на существующие группировки и разногласия. В результате перевыборов новым председателем Кружка стал Г.О. Винокур, однако он пробыл на этом посту недолго (с октября 1922 до марта 1923 г.), а затем поменялся местами с Н.Ф. Яковлевым: Винокур вошел в Президиум Кружка на место Яковлева, а Яковлев стал последним председателем МЛК (до ноября 1924 г.).

Известную роль в ликвидации Кружка сыграли его финансовые трудности. Из протокола от 14 июня 1922 г. следует, что Кружок испытывал денежные затруднения, что задерживало плату за наем помещения, в результате членский взнос за 1922–23 гг. повысился вдвое (со 100 до 200 р., а к концу года составил 300 р.). Началось исключение членов Кружка за неуплату членских взносов и за пассивное участие в его работе.

В РО ИРЯ нет материалов, позволяющих судить о решении и порядке ликвидации Кружка, но известно, что он просуществовал до ноября 1924 г. Организационная модель МЛК стала образцом для Пражского Лингвистического кружка, а многие идеи московских кружковцев были восприняты и развиты в Праге. Эти идеи оказались плодотворными для дальнейшего развития структурализма. Новые положения и гипотезы, высказанные на заседаниях МЛК, оказали большое влияние на развитие теории поэтической речи, стимулировали изучение фонологической проблематики, вопросов культуры речи, а также повлияли на методологию изучения фольклорных текстов [4, с. 367]. К сожалению, большая и полноценная история Московского

лингвистического кружка до настоящего времени не написана, освещены лишь некоторые области его деятельности. Далеко не все его материалы опубликованы, в том числе остаются неизданными практически все научно-организационные протоколы Кружка, представляющие значительную ценность для написания его истории. Однако несомненно, что эта работа должна быть осуществлена в полном объеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Винокур Г.О.* Московский лингвистический кружок // Научные известия (академического центра Наркомпроса). Сб. 2. Философия. Литература. Искусство. М.: Государственное издательство, 1922. С. 289–290.
2. *Касаткин Л.Л.* Московский лингвистический кружок // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 318.
3. *Касаткин Л.Л.* Московский лингвистический кружок // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Изд. дом «Дрофа», 1997. С. 252–253.
4. *Якобсон Р.О.* Московский лингвистический кружок / Подгот. текста, публ., вступ. заметка и примеч. М.И. Шапира // *Philologica*. 1996. Т. 3. № 5/7. С. 361–379.
5. *Баранкова Г.С.* Материалы Московского лингвистического кружка в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН // *Археографический ежегодник*. 1997. М.: Наука, 1997. С. 309–318.
6. *Баранкова Г.С.* К истории Московского лингвистического кружка: Материалы из Рукописного отдела Института русского языка // *Язык. Культура. Гуманитарные знания. Научное наследие Г.О. Винокура и современность*. М.: Научный мир, 1999. С. 359–382.
7. *Шапир М.И.* Московский лингвистический кружок (1915–1924) // *Российская наука на заре нового века: сборник научно-популярных статей*. М.: Научный мир; Природа, 2001. С. 457–464.
8. *Крусанов А.В.* Русский авангард. 1907–1932 (Исторический обзор): в 3 т. Т. 2. Кн. 1. Футуристическая революция, 1917–1921. М.: Новое лит. обозрение, 2003. С. 452–495.
9. *Топорков А.Л.* Фольклорные темы на заседаниях Московского Лингвистического Кружка (вступ. статья и подготовка текста А.Л. Топоркова и А.А. Панченко) // *Неизвестные страницы русской фольклористики*. М.: Индрик, 2014. С. 56–140.
10. *Пильщиков И.А.* Наследие русской формальной школы и современная филология // *Антропология культуры*. Т. 5. М.: Буки-Веди, 2015. С. 319–350.

³⁴ РО ИРЯ. Ф. 20. Ед. хр. 11. Л. 334.

11. *Дмитриев А.Н.* Как сделана «формально-фило-софская школа» (или почему не состоялся московский формализм?) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2006–2007 год. М.: Модест Колеров, 2009. С. 71–96.
12. *Кенигсберг М.М.* Из стихологических этюдов. 1. Анализ понятия «стих» [февраль 1923 г.] / Публ. С.Ю. Мазура и М.И. Шапира // *Philologica*. 1994. Т. 1. № 1/2. С. 149–185.
13. *Винокур Г.О.* Филологические исследования: Лингвистика и поэтика / Сост. Т.Г. Винокур, М.И. Шапир, вступ. статья и коммент. М.И. Шапира. М.: Наука, 1990. 452 с.
14. *Горнунг Б.В.* Поход времени. Т. 2. Статьи и эссе. М.: РГГУ, 2001. 510 с.
15. *Шпет Г.Г.* Эстетические фрагменты. М.: Правда, 1989. 34 с.
16. *Пильщиков И.А.* Заседание Московского лингвистического кружка 1 июня 1919 г. и зарождение стиховедческих концепций О. Брика, Б. Томашевского и Р. Якобсона // *Revue des études slaves*. Paris. LXXXVIII. 1–2. 2017. P. 151–175.
17. *Якобсон Р., Богатырев П.* Славянская филология в России за годы войны и революции. Б.М.: Salamandra P.V.V. 2015. [Переиздание: Берлин, 1923]. 62 с.
18. Томашевский и Московский лингвистический кружок. [Вступ. статья и публикация Л.С. Флейшмана, без подписи] // *Ученые записки Тартуского гос. ун-та*. 1977. В. 422. Труды по знаковым системам. IX. С. 113–132.
19. Как Московский лингвистический кружок во-евал с Брюсовым и Потебней / Сост., вступ. заметка и коммент. С.И. Гиндина, подгот. текстов А.В. Маньковского // *Новое литературное обозрение*. 2007. № 4 (86). С. 64–69.
20. *Moscow: Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya; Izdatelskiy dom Drofa Publ.*, 1997, pp. 252–253. (In Russ.)
4. *Yakobson, R.O.* *Moskovskiy lingvisticheskiy kruzhok. Podgot.teksta, publ., vstup. zametka i primech. M.I. Shapira* [Moscow Linguistic Circle. Text Prepared, Publ., Introduction and Notes by M.I. Shapir]. *Philologica*. 1996, Vol. 3, No. 5-7, pp. 361–379. (In Russ.)
5. *Barankova, G.S.* *Materialy Moskovskogo lingvisticheskogo kruzhka v Institute russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN* [Materials of the Moscow Linguistic Circle at the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences]. *Arkhograficheskiy ezhegodnik. 1997* [Archeographic Yearbook. 1997]. Moscow: Nauka Publ., 1997, pp. 309–318. (In Russ.)
6. *Barankova, G.S.* *Kistorii Moskovskogo lingvisticheskogo kruzhka: Materialy iz Rukopisnogo otdela Instituta russkogo yazyka* [On the History of the Moscow Linguistic Circle: Materials from the Manuscript Department of the Institute of the Russian Language]. *Yazyk. Kultura. Gumanitarnye znaniya. Nauchnoe nasledie G.O. Vinokura i sovremennost* [Language. Culture. Humanitarian Knowledge. Scientific Heritage of G.O. Vinokur and Modernity]. Moscow: Nauchny mir Publ., 1999, pp. 359–382. (In Russ.)
7. *Shapir, M.I.* *Moskovskiy lingvisticheskiy kruzhok (1915–1924)* [Moscow Linguistic Circle (1915–1924)]. *Rossiyskaya nauka na zare novogo veka: Sbornik nauchno-populyarnykh statey* [Russian Science at the Dawn of the New Century: A Collection of Popular Science Articles]. Moscow: Nauchny mir; Priroda Publ., 2001, pp. 457–464. (In Russ.)
8. *Krusanov, A.V.* *Russkiy avangard. 1907–1932. (Istoricheskiy obzor). V 3 t. T. 2. Kn. 1. Futuristicheskaya revolyutsiya, 1917–1921* [Russian Avant-Garde. 1907–1932. (Historical Review). In 3 Vols. Vol. 2. Book 1. The Futuristic Revolution, 1917–1921]. Moscow: Nove literaturnoe obozrenie Publ., 2003, pp. 452–495. (In Russ.)
9. *Toporkov, A.L.* *Folklornye temy na zasedaniyakh Moskovskogo lingvisticheskogo kruzhka (vstup. statya i podgotovka teksta A.L. Toporkova i A.A. Panchenko)* [Folklore Themes at Meetings of the Moscow Linguistic Circle (Introduction and Text Preparation by A.L. Toporkov and A.A. Panchenko)]. *Neizvestnye stranitsy russkoy folkloristiki* [Unknown Pages of Russian Folklore Studies]. Moscow: Indrik Publ., 2014, pp. 56–140. (In Russ.)
10. *Pilshchikov, I.A.* *Nasledie russkoy formalnoy shkoly i sovremennaya philologia* [The Legacy of the Russian Formal School and Modern Philology]. *Antropologiya kultury. T. 5* [Anthropology of Culture. Vol. 5]. Moscow: Buki-Vedi Publ., 2015, pp. 319–350. (In Russ.)
11. *Dmitriev, A.N.* *Kak sdelana “formalno-philosofskaya shkola” (ili pochemu ne sostoyalsya moskovskiy formalizm?)* [How was the “Formal Philosophical

REFERENCES

1. *Vinokur, G.O.* *Moskovskiy lingvisticheskiy kruzhok* [Moscow Linguistic Circle]. *Nauchnye izvestiya (akademicheskogo tsentra Narkomprosa). Sb. 2. Filosofiya. Literatura. Iskustvo* [Scientific News (Academic Center of Narkompros). Collection 2. Philosophy. Literature. Art.]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo Publ., 1922, pp. 289–290. (In Russ.)
2. *Kasatkin, L.L.* *Moskovskiy lingvisticheskiy kruzhok* [Moscow Linguistic Circle]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, p. 318. (In Russ.)
3. *Kasatkin, L.L.* *Moskovskiy lingvisticheskiy kruzhok* [Moscow Linguistic Circle]. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya. 2-e izd., pererab i dop.* [Russian Language. Encyclopedia. 2nd ed., reprinted and additioned].

- School” Made (or Why did Moscow Formalism not Take Place?). *Issledovaniya po istorii russkoy mysli: Ezhegodnik za 2006–2007 god* [Studies on the History of Russian Thought: Yearbook for 2006–2007]. Moscow: Modest Kolerov Publ., 2009, pp. 71–96. (In Russ.)
12. Kenigsberg, M.M. *Iz stikhologicheskikh etyudov. 1. Analiz ponyatiya “stikh” [fevral 1923]. Publ. S.Yu. Mazyra i M.I. Shapira* [From Poetic Studies. 1. Analysis of the Concept of “Verse” [February 1923]. Publ. by S.Y. Mazur and M.I. Shapir]. *Philologica*. 1994. Vol. 1, No. 1-2, pp. 149–185. (In Russ.)
13. Vinokur, G.O. *Philologicheskie issledovaniya: Lingvistika i poetika. Sostaviteli T.G. Vinokur, M.I. Shapir. Vstup. statya i comment. M.I. Shapira* [Philological Research: Linguistics and Poetics. Comp. T.G. Vinokur, M.I. Shapir. Introduction and comments by M.I. Shapir]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 452 p. (In Russ.)
14. Gornung, B.V. *Pokhod vremeni. T. 2. Staty i iesse* [The March of Time. Vol. 2. Articles and Essays]. Moscow: RGGU Publ., 2001. 501 p. (In Russ.)
15. Shpet, G.G. *Esteticheskie fragmenty* [Aesthetic Fragments]. Moscow: Pravda Publ., 1989. 34 p. (In Russ.)
16. Pilshchikov, I.A. *Zasedanie Moskovskogo lingvisticheskogo kruzhka 1 iyunya 1919 g. i zarozhdenie stikhovedcheskikh kontseptsiy O. Brika, B. Tomashevskogo i R. Jakobsona* [Meeting of the Moscow Linguistic Circle on June 1, 1919 and the Origin of the Poetic Concepts of O. Brik, B. Tomashevsky and R. Jacobson]. *Revue des études slaves*. Paris. LXXXVIII, 1–2, 2017, pp. 151–175. (In Russ.)
17. Jakobson R., Bogatyrev P. *Slavyanskaya philologiya v Rossii za gody voyny i revolyutsii* [Slavic Philology in Russia during the Years of War and Revolution]. [Reprint: Berlin, 1923]. 62 p. (In Russ.)
18. *Tomashevskiy i Moskovskiy lingvisticheskiy kruzhok [Vstup. statya i publikatsiya L.S. Fleishmana, bez podpis]* [Tomashevsky and the Moscow Linguistic Circle. [Introduction and publication by L.S. Fleishman, Without Signature]]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1977, V. 422 [Scientific Notes of the Tartu State University. 1977. Vol. 422.]. *Trudy po znakovym sistemam* [Works on Sign Systems]. IX, pp. 113–132. (In Russ.)
19. *Kak Moskovskiy lingvisticheskiy kruzhok voeval s Bryusovym i Potebney. Sost., vstup. zametka i comment. S.I. Gindina, podgot. tekstov A.V. Mankovskogo* [How the Moscow Linguistic Circle Fought with Bryusov and Potebnya. Comp., introduction and comments by S.I. Gindin, Texts Preparing by A.V. Mankovsky]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary Review]. 2007, No. 4 (86), pp. 64–69. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 24 мая 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 10 июня 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 июня 2024 г.

Дата публикации: 31 августа 2024 г.

Received by Editor on May 24, 2024

Revised on June 10, 2024

Accepted on June 15, 2024

Date of publication: August 31, 2024